

УДК 393.05

**ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА
В СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДСКИХ УСЛОВИЯХ**

*(Публикация подготовлена в рамках комплексной программы фундаментальных исследований
отделения историко-филологических наук РАН «Евразийское наследие и его современные
смыслы». Грант 0209-2015-0001)*

М.К. Мусаева,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии
и этнографии ДНЦ РАН г. Махачкала

majsarat@yandex.ru

Аннотация. В совокупности обрядов (ритуалов), системе обрядовых действий, магических представлений, поверий, относящихся к таким циклам жизнедеятельности человека, как рождение, вступление в брак, смерть, и объединенных одним понятием – обряды жизненного цикла, похоронно-поминальная обрядность являлась и сегодня остается как в сельской местности, так и в городах Дагестана наиболее религиозно регламентированной и отличается известной устойчивостью и консерватизмом. В похоронно-поминальном комплексе условно можно выделить три цикла. Первый цикл – обряды, соблюдающиеся с момента смерти и до выноса умершего; второй – обряды, выполняемые во время выноса покойника, по пути на кладбище, при самих похоронах и во время возвращения с похорон. Третий цикл – это обряды, соблюдаемые после похорон до годовщины смерти человека. Это еще и целая система воззрений, основанных на народных представлениях и религиозных предписаниях.

Новые религиозные веяния (идеи чистого ислама) и глобализационные и урбанизационные процессы не затронули основ похоронно-поминальной обрядности. Изменения коснулись материальной составляющей: увеличились затраты на похороны, поминальные мероприятия и увековечение умершего (установка памятника). Практически до 80-х годов XX в. умершего горожанина возили хоронить в село, откуда покойник или покойница родом. В последние десятилетия в городах появились новые кладбища.

В целом, исламу удалось серьезно потеснить древние языческие ритуалы, складывавшиеся на протяжении многих столетий, однако это не исключило сохранения в похоронной обрядности некоторых древних представлений, элементов домусульманских ритуалов. Общемусульманский характер похоронной обрядности не смог окончательно подавить и этнически специфические черты: в отдельных элементах (как правило, в поминальной части) каждый народ Дагестана узнаваем даже в городских условиях.

Ключевые слова: Дагестан, город, жизненный цикл, похоронно-поминальная обрядность, урбанизация, глобализация, материальная основа.

**FUNERAL AND MEMORIAL RITES OF DAGESTAN PEOPLE IN MODERN URBAN
CONDITIONS**

*(The article was carried out within the framework of the comprehensive program of fundamental
research of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences
“Eurasian Heritage and its Modern Meanings”. Grant Project No. 0209-2015-0001)*

M.K. Musaeva,

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center, RAS, Makhachkala

majsarat@yandex.ru

Abstract. Among the rites (rituals) of the system of ceremonial actions, magical ideas, beliefs related to such cycles of human life as birth, marriage, and death, united by a single concept – the rituals of the life cycle, the funeral and memorial rites have always been the most religiously regulated ones and they are characterized by a certain stability and conservatism both in rural areas and in towns of Dagestan. In the funeral and memorial rites, we can conditionally distinguish three cycles. The first cycle includes the rituals observed within the period after a person's death before the body of the deceased is carried out of the house; the rituals of the second cycle are performed when the body of the deceased is carried out of the house, on the way to the cemetery, during the burial and on the way back after the burial. The third cycle includes the rituals observed after the burial until the anniversary of the person's death. This is also a whole system of views based on people's beliefs and religious precepts.

New religious trends (the ideas of pure Islam) and globalization and urbanization processes have not affected the foundations of the funeral and memorial rites. The changes have affected the material component: costs for funeral events and commemoration of the deceased (fixing of the headstone) have increased. Almost up to the 1980s, the body of the deceased city dweller was buried in the village that the deceased man or woman was from. In recent decades, new cemeteries have appeared in towns.

In general, Islam has managed to press greatly the ancient pagan rituals that developed over many centuries, but this fact does not exclude the preservation of some ancient ideas and elements of pre-Islamic rituals in the funeral rites. Besides, the common Muslim character of the funeral rites could not completely suppress the ethnically specific features: due to some elements (as a rule, in the memorial part), every Dagestan nationality is recognized even in urban conditions.

Keywords: Dagestan, town, life cycle, funeral and memorial rites, urbanization, globalization, material basis.

Традиционные семейно-общественные обряды принадлежат к той сфере духовной культуры, в которой в существенной степени сохраняются этническая специфика и колорит, свойственные тому или иному этносу на протяжении очень долгого времени. Похоронно-поминальную обрядность считают одной из важных составляющих обрядовой культуры жизненного цикла.

Обряды, связанные с основными событиями в жизни человека, отличаются известной устойчивостью и консерватизмом. Их можно определить как совокупность ритуалов, систему обрядовых действий, магических представлений, поверий, принадлежащих к таким циклам жизнедеятельности человека, как рождение, вступление в брак, смерть. Обряды этого цикла называют часто семейными, однако таковыми они являются условно. Учитывая, какую важную роль в прошлом в жизни человека играли такие коллективы, как сельская община (джамаат), так называемые «семейные обряды» неизбежно выходили и сегодня выходят за пределы семьи. Поэтому целесообразнее именовать такой цикл обрядов семейно-общественным.

В системе традиционных обрядов народов Дагестана, связанных с основными жизненными циклами, похоронно-поминальные или погребальные обряды занимают особое место: в отличие от свадебных и родильных обрядов существенный приоритет в них принадлежал и сейчас принадлежит мусульманскому духовенству. В современном обществе, в связи с определенной приверженностью к обрядовой системе «чистого ислама», они даже более жестко регламентированы религиозными предписаниями. Ислам смог серьезно потеснить древние языческие ритуалы, вырабатывавшиеся на протяжении многих столетий, хотя и не исключено сохранение в похоронной обрядности некоторых древних представлений, элементов домусульманских ритуалов. Общемусульманский характер похоронно-поминальной обрядности не смог бесповоротно подавить этнически специфические черты: в отдельных элементах (как правило, в поминальной части) каждый народ Дагестана даже в городских условиях узнаваем.

В похоронно-поминальном комплексе условно выделяемые три цикла остались неизменными. Первый цикл – обряды, выполняемые с момента смерти и до выноса умершего; второй – обряды, осуществляемые во время выноса покойника, по пути на кладбище, при самих похоронах и во

время возвращения с похорон. Третий цикл – это обряды, соблюдаемые после похорон до годовщины смерти человека. Это еще и целая система воззрений, опирающихся на народные представления и религиозные предписания.

По каноническим воззрениям ислама – жизнь лишь временное пребывание души на этом свете (*Все мы гости на этой Земле. Кто раньше, кто позже покинет ее. Никого не минует смерть. Бессмертных людей нет – вот приблизительно то, что говорили и говорят о жизни на Земле*). Есть представление, что душа человека бессмертна, и, покидая тело, в случае его физической смерти она стремительно летит к богу; что душа человека по мере приближения смерти от пяток поднимается вверх и останавливается в области сердца и в момент его остановки покидает тело через рот. Одни в этот момент легко расстаются с душой, другие – очень тяжело. И это вполне визуально можно наблюдать. Человек умер, потому что душа покинула его.

Считалось и сейчас считают, что душа, оставляя тело, сохраняет на земле свою тень, которая находится вблизи тела и покидает дом лишь после первых поминок, спустя три дня после смерти, но еще 40 дней каждую ночь (как утверждают одни) или каждый четверг после 16-ти часов до 11 часов пятницы (как утверждают другие народы Дагестана) посещает место своей смерти или дом, где поминают умершего. Возможно, по этой причине 40 дней по ночам в комнате, где до похорон лежало тело, оставляли зажженную лампу, а сейчас многие включают ночник. И 40 дней читали Коран на могиле покойника в шатре или в комнате, где до выноса лежало тело. Все это делалось для того, чтобы «тень души», уходя, не заблудилась, легко рассталась с Землей, успокоила душу покойника в новом для него мире. Если умерший человек жил в городе, но по все еще существующей традиции его нужно было отвезти в родное село (как, например, у башлыкентских кумыков), то в селении заказывают за определенные деньги чтение Корана в сельской мечети, а у некоторых народов все еще ставят шатры на могиле для читающего молитвы. Если же городской житель похоронен в городе (на мусульманском кладбище в Махачкале, Ленинкенте, Тарки, Новом Хушете), то договариваются о чтении Корана по усопшему в ближайшей мечети.

Надо отметить, что для народов Дагестана было характерно жить, думая о том, что человек смертен, и готовиться к ней. Поскольку в позапрошлом веке продолжительность жизни в среднем была невысокой, предписывалось обязательно после 40 лет иметь завещание (как письменное, так и, при свидетелях высказанное, устное); подготовить саван со всеми его составляющими (белая и зеленая материя, покрывало, вата для закладки 7-ми человеческих отверстий, мыло, пахучая трава [*«ореховая трава», «мельхибура»* – дарг., *«ЛинихI»* – авар.], которая якобы отпугивает змей), чтобы в «суматохе не бегать». Если смерть случалась неожиданно, не возбранялось брать саван у близких родственников. Если человек в преклонном возрасте заранее не подготовился: не отложил еще при жизни деньги для своих похорон, не приобрел необходимые принадлежности погребального ритуала, то его и его близкую родню осуждали окружающие. В настоящее время представления остались те же, но с подготовкой погребальных принадлежностей (савана, покрывала и т.д.) практически нет проблем, даже если смерть оказалась внезапной. Есть специальные магазины, где все это можно купить как заранее, так и в случае непредвиденной кончины (дорогие, из роскошной ткани и дешевые принадлежности); в любой мечети также можно приобрести соответствующие комплекты савана и для мужчин, и для женщин при необходимости.

Мужчине почетным считалось принять смерть на поле боя, а женщине – лежа в постели, окруженной детьми, внуками и родственниками. Но, бесспорно, каждый мечтал умереть, промучившись не более трех дней. Каждый день в молитвах человек просил легкой смерти. Говорили: *«Умереть до того, как болезнь не превратит тело в измятую веревку или ржавую цепь»*; *«Не находясь долго в постели, не причиняя неудобств близким, не оказавшись в тягость»*, *«Один день боли, один день смерти, о Аллах!»* – просили пожилые люди. Времена, когда смерть была обычным явлением «на поле боя», за редким исключением, канули в Лету, но желание умереть легко неистребимо.

Тяжелой считается смерть, когда человек умирает после затяжной и изнурительной болезни, когда слишком долго длится агония. Очень обидно для родственников, если человек умирает в больнице. Особенно, если рядом не оказалось в момент кончины родного человека или муллы, который прочитал бы у ложа умирающего 36 суру Корана, известную под названием *«Ясин»* (*«Ясин»*). Считалось и считается, что «Ясин» облегчает страдания умирающего, и благодаря ему душа скорее может покинуть тело. Чтение ясина у постели умирающего всегда являлось

обязательным, без него, как предполагали, человек уходил в другой мир грешником. Если не было духовного лица, то ясин мог прочесть кто-либо другой, знавший эту молитву, и даже женщина.

Нередко тяжелая или легкая смерть ставилась и ставится в прямую зависимость от качеств человека: якобы грешника настигает трудная смерть (*Аллах наказал*), и наоборот, благочестивый человек умирает легко и быстро. На этот счет, однако, существуют и другие поверья. Считалось и считается, что долго болеющий человек в этом мире очищается от земных грехов и отправляется абсолютно очищенным от них сразу в рай. У отдельных народов было представление также о том, что человек умирал долго тогда, когда очень хотел перед смертью видеть кого-то из близких (полагали, что даже если умершему прикрыть глаза, они будут открываться, пока не появится тот, кого он ждал на смертном одре, а если глаза были открыты, то их надо было обязательно закрыть. В народе говорили, что, когда глаза у покойника открыты, последует еще одна смерть). В таких случаях принято было взять какую-нибудь вещь этого человека и показать ее умирающему для облегчения ухода в иной мир. Если трудно умирал мужчина, ему приносили какие-либо предметы, связанные так или иначе с его занятиями. Пастуху, например, приносили его походную переметную сумку и палку. Умирающей женщине показывали веретено и при ней начинали прясть нить, вышивать, чесать шерсть, лущить кукурузу или фасоль (в зависимости от времени года). Чтобы душа скорее покинула тело, в руку умирающему следовало положить камень. Если же в результате болезни в долгой агонии лежал ребенок, полагали, что умирающий умрет скорее, если его родители выйдут из комнаты. Считали, что для того, чтобы положить конец страданиям человека, кто-то из близких на словах должен был дать ему как бы разрешение умереть: «*Разрешаем тебе, уходи, дорогой отец, мать, дочь, сын*».

Приближающуюся смерть, если человек находится не в больнице, угадывают по ряду внешних признаков: несвязная речь, изменившийся цвет лица и кожи, слабый пульс, редкое дыхание. Считалось, что уже за 40 дней до смерти человеческий взор становится тусклым, нос необычно заостряется, походка меняется. Есть представление, что наше лицо, которое обычно ассиметрично, становится за 40 дней до смерти симметричным, из-за этого оно слегка изменяется внешне. Меняется и характер человека. Он или замыкается в себе или, наоборот, становится раздражительным. Пожилые люди нередко сами чувствуют приближение своей смерти и просят пригласить муллу.

У многих народов бытовало немало примет и поверий, которые, как считалось, предвещали скорую смерть человека. Предвестниками могли быть необычные сновидения: если снились, например, упавшие лестница, крыша дома, центральный столб – к смерти взрослого мужчины; если стадо коров, буйвол, лошадь, мутная вода, зеленая трава, ветка без коры, сырое мясо – к смерти ближайшего окружения, не обязательно родственника; выпавший зуб предвещал: зуб окровавленный – умрет близкий родственник, если без крови – дальний; коренной – умрет близкий; передний – просто родственник и т.д. Снам традиционно многие придают значение и в настоящее время.

Значительную часть примет, говоривших о скорой смерти в доме, можно наблюдать только в сельской местности, поскольку они были связаны с необычным поведением животных и птиц. Считалось, что если собака воеет волком, то она видит архангела Азраила. Если курица начинала кричать петухом – значит, чью-то смерть накличет. Таковую курицу, как правило, не оставляли в живых. Предвещать близкую смерть мог крик совы или появление ее вблизи жилища человека. В Южном Дагестане даже существовало проклятье недругу: «*Чтобы на твою крышу села сова*».

Глубокая вера в жизнь в ином мире после смерти и ее неизбежности, позволяли думать о смерти и воспринимать ее философски. Смерть (*гIажал, ажал*) дагестанцы подобно всем мусульманам воспринимали как неизбежное, рок или предопределение судьбы (*къисмат*), как волю Всевышнего. Наступление смерти объясняли действием внешней силы. Этой силой был архангел *Азраил*, изымавший души у умирающих. Существовало поверье, что Азраила в момент смерти мог видеть сам умирающий или кто-либо из его близких. Он являлся якобы в образе давно умершего человека или принимал обличье какого-либо живого существа. Азраила сравнивали с неожиданным гостем, говорили: *Азраил и гость являются без спроса*. Как к приему гостей надо быть готовым всегда, так и к смерти надо быть готовым заранее. Эти суждения, несмотря на долговременное атеистическое воспитание, знакомы и в наши дни большинству смертельно больных или старых людей, готовящихся мысленно к переходу в иной мир.

По традиционным представлениям, загробный, потусторонний мир, в отличие от земного, являлся вечным. Дагестанцы, восприняв основные догматы ислама о существовании загробного мира, приняли, соответственно, и представления об аде и рае, о втором пришествии и страшном

суде. В день страшного суда (*къямасакъо - аварск, къяматюгъ - лезг*), в день вселенского ужаса, когда земля сольется с небом, мертвые встанут из могил и будут стоять перед лицом Аллаха, который начнет вершить суд. Затем люди должны будут пройти через мост тоньше волоса и острее меча, ведущий в рай, но под которым полыхает пламя ада. Грешники упадут в огонь и будут гореть в этом вечном пламени, а люди праведные беспрепятственно пройдут по этому мосту, который им покажется широким, и попадут в рай, в мир вечного блаженства. Ад (*жегъенем, джужагъ*), согласно традиционным представлениям ислама, был разделен на семь кругов; рай (*алжан, женет*) состоял из восьми ярусов, над которыми находился трон Аллаха [4, с.109].

Надо отметить, что все эти представления, которые передаются из поколения в поколение, существуют в определенной (большей или меньшей) степени в каждой семье, независимо от того, где живет человек – в селе или городе. В городской среде подобных представлений даже больше, поскольку города полиэтничны. И «знания» такого рода в городской среде гораздо проще пополнять: у каждого народа, кроме стандартного набора традиционных обрядов и ритуалов, есть еще и привнесенные представителями других народов (соседей, знакомых). Наука, современные знания о смерти и ее причинах не смогли и, пожалуй, не смогут искоренить существующие издревле представления о загробной жизни. Тайна всегда вызывает интерес и домыслы.

Отношение к смерти и то, что происходит вокруг нее (похоронно-поминальные мероприятия), не изменилось. Скорее наоборот, пополнилось новыми составляющими.

Человека долго и тяжело болеющего положено сегодня, как и в прошлом, постоянно навещать родственникам, соседям, знакомым; приезжать в город, чтобы навестить. У постели умирающего обязательно находятся люди. По обычаю, у человека, находившегося при смерти, узнавали последнюю волю, если он не успел сделать завещание. Так, он мог назначить по своему желанию людей, которые его обмывали бы, читали молитвы. В то же время умирающий прощался со своими родными и близкими. Он просил у них прощения за все то, что могло их обидеть. Если же у него имелись долги, он просил своих родных помочь вернуть их (чаще всего продав что-либо из его собственного имущества). В свою очередь близкие умирающего, расставаясь с ним навсегда, просили у него прощения. Эта традиция сохранилась и в современных городских условиях, но завещание обязательно заверяется нотариально, и, как правило, оформляется гораздо позже 40-летнего возраста. Жить люди стали дольше, но внезапные смерти участились. Поэтому нередко возникают проблемы, связанные с наследством и разделом имущества.

Слух о смерти человека благодаря современным средствам коммуникации (сотовым телефонам, интернету и соцсетям) распространяется гораздо быстрее, чем в прошлом, почти мгновенно. И со всех концов города, а также из сел к дому умершего спешат группы людей, оставив свои дела и работу. Не оказать последние почести покойному считается большим грехом, и такой поступок во все времена осуждался (и в настоящее время говорят: *«На свадьбу можно и не пойти, а в горе поддержать надо обязательно»*). Мужчины идут в дом умершего отдельно от женщин. Подходя к дому, прекращают все разговоры. По периметру отведенной во дворе территории располагались родственники умершего, домочадцы, к ним и подходили пришедшие с соболезнованиями мужчины. Выражение соболезнования родственникам имеет устоявшийся исламский ритуал, характерный для всех народов Дагестана как в сельской местности, так и в городе. С приходом каждой новой группы соболезнующих родственники умершего встают и стоя принимают их сочувствие в форме чтения первой суры Корана – *Альгьам*. После прочтения молитвы (*дуъа*) пришедшие пожимают близким умершего руки, произнося при этом примерно следующие слова: *«Да простит его Аллах, пусть остальные ваши близкие будут живы-здоровы»; «Да смоятся все его земные грехи, а жизнь, не дожитая им, достанется его детям»*. И присоединяются к находящимся во дворе мужчинам, которые пребывают в скорбном молчании. Мужчинам (за исключением кумыков) плакать возбраняется. Они должны переносить горе молча.

В мусульманском законодательстве разработана целая система строго исполняемых погребальных ритуалов. Они довольно сложны, сопровождаются специальными погребальными молитвами и осуществляются, как правило, под контролем духовенства.

В течение трех дней у одних народов, в течение недели или до первой пятницы после трех дней у других народов у дома умершего сидят родственники, принимая соболезнования. В течение этих дней мужчины ходят по утрам и вечерам на кладбище молиться на могиле умершего. Они усаживаются в несколько рядов, мулла садится впереди всех и начинает читать вслух молитвы, по окончании которых все присутствующие произносят: *«Аминь»*. У некоторых народов на могилу еще в середине XX в. ставили палатку и приглашали муллу там читать Коран.

По истечении трех дней или недели палатку снимали, и мулла должен был у себя дома читать Коран до 40 дней. В настоящее время палатки не ставят. Коран читают у себя дома.

На похоронах в женской среде всегда существовали неписанные правила, не всегда согласующиеся с религиозными канонами (не противиться воле Всевышнего): сестра покойного, если брат был молод, даже снимала платок, рвала на себе волосы и истязала себя. И это, несмотря на то, что шариат предписывал искупительную жертву, если женщина в результате оплакивания нанесет себе повреждения. Одно из изречений Мухаммеда гласило: «Моя община не может терпеть четырех обычаев язычества: хвастовства добрыми делами, опорочивания происхождения других людей, веры, что плодородие зависит от звезд, и плача по мертвым» [2, с. 54]. Несомненно, что обычай оплакивания умершего с самоистязаниями – древнейший, который ислам не смог искоренить в полной мере.

Жене горевать по мужу чрезмерно считалось неприличным; мужчину оплакивать должны были дочери и сестры. Самым лучшим считалось, когда пришедшие на соболезнование, образовав круги, до самого выноса тела из дома читали «зикр», пока близкие родственники встречали вновь прибывших на соболезнование.

У отдельных народов (в Южном Дагестане, на равнине) за определенную плату приглашались специальные плакальщицы. В Нагорном Дагестане (у аварцев, даргинцев, лакцев) профессиональных плакальщиц не было; каждая могла выйти в круг, где сидели женщины, и часто в стихотворной форме выразить состояние души. Среди плакальщиц были истинные знатоки своего дела, такие плакальщицы имелись в каждом селении, нередко и в каждом тухуме. Плакальщица тонко чувствовала ситуацию, владела обстановкой, заставляла плакать даже тех, кто поначалу и не плакал, вспоминая имена их умерших родственников. Оплакивание умершего продолжалось в основном три-пять дней, и особенно сильным оно было до погребения.

В городах в настоящее время все сложнее стало с поиском профессиональных плакальщиц. Женщин, обладающих поэтическим даром, способных плачем увлечь толпу, также становится все меньше. К тому же духовенство стало регулировать оплакивания, утверждая, что громкий плач женщин по умершему, да еще с текстами – это греховно, поскольку означает сопротивление воле Всевышнего.

Тем не менее, в отличие от мужчин женщины дают выход всем своим эмоциям. С плачем и криком входят они в комнату, где находятся родственники покойника, присоединяя свои голоса к общему хору плачущих женщин. Можно сказать, что это «особая женская субкультура, которая не потеряла своей актуальности» [3, с.45] и в современных городских условиях.

В комнате, где лежал покойный, завешивают зеркала, включают светильник, который будет гореть, пока «душа умершего будет находиться дома».

Если человек умер после захода солнца, покойного после обмывания и обряжения помещают в другую, «чистую», комнату, а из той комнаты, где он скончался, выносят по возможности вещи. После похорон все, что находится в этой комнате, положено было стирать, в ней мыли пол и стены. Если нет такой возможности, хотя бы протирали влажной тряпкой. Существовало поверье, якобы Азраил, отбирая душу у умирающего, перерезал ему горло, и кровь забрызгивала все вокруг. По этой же причине в прошлом всю имевшуюся в доме до кончины воду выливали и приносили новую [1, с.283].

В ожидании рассвета покойного, уже обмытого и облаченного в несколько слоев савана (причем женщин полагают заворачивать на 2 слоя больше якобы из-за их вредоносной силы), укладывали в центре комнаты на ковер, обратив ногами в сторону *Киблы*. Вокруг покойного садились близкие родственники: мать, жена, сестры. Мать, как правило, сидела у изголовья, сестры – по бокам, жена – у ног. Считалось, что там покойный может ее видеть. Другие женщины-родственницы располагались вокруг тела в зависимости от степени родства. В самом отдалении сидели остальные женщины, пришедшие с соболезнованиями. В настоящее время в городах в отдельной комнате с покойным до рассвета сидит только мулла, приглашенный читать Коран. Кто-нибудь из близких тоже может расположиться рядом.

В прошлом у большинства народов Дагестана родственники и соседи в течение трех дней приносили еду в дом умершего, т.к. готовить ее в доме покойного было нельзя – такая пища считалась «нечистой», запретной (*харам*). Если и угощали участников похорон, то делалось это не в доме покойного. Спустя три дня после похорон период запретов повсеместно считался законченным. В настоящее время, возможно, под влиянием народов, у которых трехдневный запрет приготовления пищи уже был забыт давно, в первый же день всех женщин угощают во время выноса тела лепешками и халвой. И после похорон сразу начинают поить чаем и кормить.

Каждая уходящая женщина получает пакет с рисом и салфеткой; пачкой сахара и салфеткой. Некоторые женщины в день похорон, некоторые на третий день дают хозяйке похорон деньги (денежная сумма зависит от степени родства, близости отношений). Ходить на соболезнование с «пустыми руками» считается неприличным. Традиция взаимопомощи при похоронно-поминальных мероприятиях, которая была свойственна всем народам Дагестана издревле, сохраняет свое бытование и в городе. Однако натуральная помощь заменена денежной.

Надо отметить, что современная поминальная трапеза в городах в корне отличается от традиционной как разнообразием и качеством подаваемых блюд, так и сервировкой столов. Часто набор блюд на поминках соперничает со свадебным меню. Только мучная халва, которая, как правило, еще не подается на свадебные столы, и жидкие блюда (бульоны с мясом, супы с фрикаделями, борщи, которые пришли на смену соусам с мясом) напоминают о поминках. Любая поминальная трапеза, как и в прошлом, заканчивается чтением молитвы и благопожеланиями: *«Пусть Аллах примет вашу милостыню, будьте здоровы», «Пусть он (она) ушла, оставив берекет»*. За поминальным столом с каждой партией садящихся обязательно оказывается кто-нибудь, кто руководит молитвой. Если таких нет, каждый индивидуально читает молитву и обращается к Всевышнему с пожеланием, чтобы съеденная пища досталась не только пророку и его сподвижникам, но и покойнику и его почившей родне. Ни один человек, пришедший на соболезнование, не должен уйти, не попробовав поминальной еды. Ответственные за это, как с мужской, так и с женской стороны, старались проследить за этим. В настоящее время с учетом того, что городские люди – очень занятой народ, и не желая обременять их, на третий день после похорон устраивается «большой зикр» (коллективное моление).

Своеобразными остались первые поминки-зикры у выходцев из с. Ругуджа. До 80-х гг. XX в. всех умерших из этого села старались хоронить в селении. И ясы («буклон») устраивались там же. Но в последние годы хоронят или в городе (в основном в Ленинкенте), или в селе, сразу же возвращаются назад, и яс организуют в городе, по месту проживания. Поминки в прошлом устраивались обычно после трех дней в первый четверг вечером (на 5 – 9 день, как приходилось). Все, кто приходил (а приходили не с пустыми руками: кто с меркой муки, кто с миской масла или сыра, с ведром картофеля), получали садака (хлеб и большой кусок вареного мяса), и всех очень хорошо угощали специальной поминальной пищей (обязательно мясо, бульон, дрожжевой (кислый) хлеб и жидкая мучная халва; могли раздавать и масляные комки из толокна). В пятницу к 11-ти часам утра, родственники собирались и впервые шли на кладбище. Каждая приносила с собой что-нибудь съестное, все старались принести все самое вкусное. Поскольку в этом селении была женская традиция до года и более посещать каждую пятницу могилу близкого родственника или родственницы с чем-нибудь съестным (своеобразное кормление душ умерших), то на кладбище в пятницу всегда были люди. Помимо этого, дети (с 5 лет до 10-11) знали, что в пятницу они получают сладости и приходили на кладбище. В первое посещение могилы на кладбище, как правило, собиралась практически вся женская половина родни. Прибывшие, после обсыпания свежей могилы и могил всех ранее умерших родственников горстями зерна, риса (для птиц), прочтения молитв, раздавали порционно все, что принесли, детям и тем взрослым, кто пришел навестить своих покойников. Те в свою очередь угощали их тем, что принесли сами. После того, как все было сделано, процессия возвращалась в село. Такой же коллективный поход на могилу в пятницу после большого зикра накануне вечером совершали и на сороковой день после похорон. В течение нескольких четвергов до 40 дней в доме покойного собирались на зикр женщины, им готовили угощение и давали садака. Те же традиции жители этого села сохранили и в городе. Поминальная трапеза и денежная помощь почти свадебная: на кладбища носят ящики конфет, печенья, упаковки соков и т.д. Дети в поселке Ленинкент знают, что в пятницу можно сходить на кладбище к ругуджинкам за сладостями.

По мнению Г.Ф. Чурсина, устройство поминок или поминального пира должно было обеспечить умершего изрядными запасами пищи в загробном мире. Без поминок покойник был обречен на голод и лишения. Поэтому важно было устроить подобающие поминки умершему [5, с. 167]. К разряду подобных кормлений можно отнести и походы женщин на кладбище по пятницам.

Возможно, в далеком прошлом это была и умиловительная жертва, чтобы добиться снисходительного отношения к покойному на том свете, рудимент языческих жертвоприношений. Смысл этих ритуалов давно забыт. Так или иначе, необходимость жертвоприношения способствовала тому, что пожилые люди, не имевшие наследников или близких родственников, делали завещание (*васият*) по поводу устройства поминок. Есть сведения, что некоторые

одиноким людям с достатком, еще при жизни устраивают себе поминки, отправляя «садака» в мечеть.

Покойных поминают, как и в прошлом, в религиозные праздники, а каждый четверг (особенно до года), многие по всем умершим родственникам раздают милостыню («доля умершего») или, как говорят «кормят запахами»: пекут лепешки и раздают. В прошлом на край печи клали очень маленький кусочек нутряного жира или курдюка, подсыпали щепотку муки и, если был, добавляли каплю меда. Как только распространялся запах по комнате, открывали дверь или окно и sprыскивали горящий жир водой. Читали молитву и просили, чтобы этот запах дошел до всех умерших родственников, когда-либо живших в этом доме. И существовало представление, что клубы пара, устремляясь в открытое пространство, доходят до покойников. Это же некоторые делают и в городской квартире. Вместо печки используют маленькую сковороду или большую ложку.

Бытует поверье, что каждый четверг душа умершего посещает свой дом в надежде получить свою долю. Если получает ее, уходит радостная, если же не получает, уходит в слезах.

Сугубо городской является традиция ходить на кладбище к родственникам в дни их рождения.

Похоронно-поминальные мероприятия всегда были материально обременительны, и потому родственная взаимопомощь в таких случаях практиковалась широко, а со стороны близких родственников – в наибольшей степени. В сельской местности помощь частично осталась продуктовой (тушка барашка, ведро масла, мешок муки, риса, и т.д.), частично – денежной. В городе материальную помощь оказывают только деньгами.

По умершему положено носить траур. Этот траур касается не только родственников, в известной мере он распространялся на все селение, особенно если оно было небольшим. На определенное время в селении прекращались всякие увеселения, не игрались свадьбы. Пока тело оставалось непогребенным, в селении приостанавливались всякие работы. В городе траур касается, как правило, только родственников.

Сроки соблюдения траура для родственников колебались в зависимости от степени родства и возраста умершего. По молодым, безвременно умершим он был длиннее (до года и больше), по старикам – короче (до 40 дней), по маленьким – полагалось не более 9-ти дней. Женщины в течение всего периода траура носят траурную одежду, в которую облачаются сразу же после смерти родственника еще до похорон, и носят ее порой до года, а у некоторых народов и дольше. У лезгин вообще не носили траур. Сейчас в городах носят. Наиболее строго соблюдается траур у кумыков. Черной одежда должна быть только у самых близких родственников, у остальных достаточно, если она будет темной. Мать по умершему сыну нередко носит траур до конца своих дней. Особым был и остается траур молодой вдовы. Любое отклонение в ее поведении от принятых обычаев и норм встречает осуждение со стороны родственников мужа и в настоящее время. В прошлом они нередко препятствовали молодой вдове повторно выйти замуж или находили ей жениха сами.

Траур подчеркивается и особой манерой поведения: сдержанность в проявлении веселья и, наоборот, демонстрация скорби и печали, что считалось наиболее предпочтительным. Для мужчин траур состоит повсеместно в том, что они в продолжение 40 или 52 дней не бреются. В городских условиях в силу определенного образа жизни, дресс-кода в различных организациях, где работают родственники покойного, соблюдать траур удается не всем мужчинам.

Надгробные камни у народов Дагестана традиционно были достаточно скромными – каменная стела с орнаментом и арабской вязью. Привозились надмогильные камни из горных карьеров. Однако наряду с ними широко использовались для надгробий большие галечники продолговатой формы, имевшиеся в изобилии по берегам рек. Считали даже, что такой серый камень более угоден Всевышнему и уменьшает количество земных грехов. Долгие годы был популярен мягкий в обработке, так называемый «акушинский камень». Камень у изголовья снабжался надписью, содержащей основные сведения об умершем: высеченные на арабском языке имя и годы жизни (*тарих*). На памятниках могли быть и изображения. На могиле мужчины это были типичные мужские атрибуты: оружие, предметы обихода, Коран, если он был лицом духовным. Соответственно и на женской могиле могли присутствовать изображения домашней утвари и другие предметы.

Последние четверть века в городах стали ставить высокие и довольно широкие надмогильные камни из гранита и мрамора, преимущественно черного цвета, с портретами, иногда с изображением на их задней части известных мечетей, аятов из Корана и т.д. В последние

десять лет возвращается традиция устанавливать стелы без портретов. Во всяком случае, духовенство ратует именно за такой вариант надмогильных камней. Надо отметить, что размер камня, качество оформления могилы становятся демонстрацией материального благосостояния людей, что осуждается, но продолжает бытовать.

По случаю установки камня (желательно до 40 дней) в доме умершего готовится угощение, собираются родственники. После непродолжительной церемонии, связанной с угощением в память о покойном, собравшиеся отправляются на кладбище, куда уже привезен камень, приглашены мастера. Родственники только наблюдают. После установки камня мулла читает молитву, родственники раздают милостыню.

Нередко в память об умершем, как правило, на его собственные пожертвования сооружались мосты, родники, дороги, какие-либо общественные постройки. И в настоящее время эта традиция сохранилась. В городе пожертвования такого порядка обезличиваются, и по этой причине деньги часто отправляются в родное село.

Могилы особо почитаемых людей, прославившихся какими-нибудь святыми делами или умерших мученической смертью, ограждались забором. На могиле сажали дерево, и всякий прохожий в знак своего уважения к усопшему, привязывал какой-нибудь цветной лоскут, шарфик, платочек на ветку, загадывая при этом желание. Такая могила (которых, кстати, очень много в Южном Дагестане) нередко становилась местом поклонения и паломничества. На современных городских кладбищах таких «пиров» не увидишь. Если они и имеются, то очень древние и в основном в г. Дербенте.

Таким образом, новые религиозные веяния (идеи чистого ислама) и глобализационные и урбанизационные процессы даже в городах Дагестана не затронули основ традиционной похоронно-поминальной обрядности, которые религиозно всегда были жестко регламентированы. Изменения в ритуалах перехода в другой мир коснулись только материальной составляющей: увеличились затраты на похороны, поминальные мероприятия и увековечение умершего (установка памятника). И эти мероприятия стали предметом демонстрации благосостояния отдельных людей. Общемусульманский характер похоронной обрядности не смог окончательно подавить и этнически специфические черты: в отдельных элементах (как правило, в поминальной части) каждый народ Дагестана узнаваем даже в городских условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гаджиева С.Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1985. – 358 с.
2. *Керимов Г.М.* Шариат и его социальная сущность. М., 1978. – 223 с.
3. *Косојева З.М.* Некоторые элементы похоронно-поминальных обрядов народов центрального Дагестана (традиции и современность) // Научное обозрение. Сборник статей ассоциации молодых ученых Дагестана. Махачкала, 2007. С. 44–50.
4. *Массэ А.* Ислам. Очерк истории. М.: Издательство восточной литературы, 1963. – 234 с.
5. *Чурсин Г.Ф.* Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис: Типография К.П. Козловского, 1913. – 189 с.

REFERENCES

1. *Gadzhdiyeva S.Sh.* Semia i brak u narodov Dagestana v XIX – nachale KhKh v. M.: Nauka. 1985. – 358 s.
2. *Kerimov G.M.* Shariat i ego sotsialnaya sushchnost. M., 1978. – 223 s.
3. *Kosoyeva Z.M.* Nekotoryye elementy pokhoronno-pominalnykh obryadov narodov tsentralnogo Dagestana (traditsii i sovremennost) // Nauchnoye obozreniye. Sbornik statey assotsiatsii molodykh uchennykh Dagestana. Makhachkala. 2007. S. 44 – 50.
4. *Masse A.* Islam. M., 1963. – 234 s.
5. *Chursin G.F.* Ocherki po etnologii Kavkaza. Tiflis: Tipografiya K.P. Kozlovskogo. 1913. – 189 s.